

Необычайное происшествие, или Ревизор (по Гоголю). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bulgakovmikhail.ru/> Приятного чтения!

Необычайное происшествие, или Ревизор (по Гоголю). Михаил Афанасьевич Булгаков

Сценарий.

НДП {НДП – надпись. В соавторстве с режиссером М. С. Каростиным. Ред.}. Уездный город, находящийся не то чтобы далеко от Пензы, но и не совсем близко к Саратову, где-то у неведомой черты границы этих двух славных губерний, весной в 1831 году медленно пробуждался от сна к своим делам безрадостным, пробуждался скорее по привычке.

Испокон веков, по ним хоть часы проверяй, проходило, зевая, купечество к своим лабазам и торговым рядам. Опасливо осматривали замки неестественной величины, и, когда их отпирали, замки издавали давно утерянную мелодию "Коль славен наш господь..." на все лады...

НДП. И так начиналось каждое утро.

Первыми сколько-нибудь замечательными людьми в уездном городе оказываются помещики Петры Ивановичи Бобчинский и Добчинский. Оба низенькие, коротенькие, очень любопытные, оба с небольшими брюшками. Дома их до уморительности одинаковы, очевидно, построенные одним мастером, стоят рядышком на живописной улице. Домики, как две капли воды, похожи на своих хозяев, и кажется, вот они сейчас замахают ставнями и начнут наперебой друг перед другом хвастать городскими новостями. Петры Ивановичи вышли каждый на свое крылечко, увидели друг друга, обрадовались, вежливо раскланялись и оба враз сказали:

– Здравствуйте, Петр Иванович...

И прежде чем отправиться в город по новости, как ходят по грибы, Петры Ивановичи сразу же и заспорили. Добчинскому очень хотелось идти в левую сторону города, но именно в эту же сторону намеревался побежать и Бобчинский, который сразу начал наскакивать на своего приятеля и засыпать его убедительными словами:

– Нет, нет, нет, Петр Иванович, сегодня левая сторона города моя, а правая ваша, и новостей сегодня в правой стороне города, ей-ей, больше, чем в левой, вы уж, пожалуйста, не спорьте, Петр Иванович...

И приятели разбежались – Добчинский направо и Бобчинский налево.

Когда их проворные, маленькие фигурки скрылись из виду, прямо через улицу, как бы для контраста, торопилась огромная фигура судьи, в ногах которого путались два лающих пса, сдерживаемых массивными цепями.

Смотритель богоугодных заведений Земляника, фигурой поменьше судьи и меньше опутанный дикорастущими волосами, услышав собачий лай, высунулся в окно своего дома и равнодушно извещал свою жену о том, что:

– Опять судья Ляпкин-Тяпкии со своими кобелями идет к юбкам жены помещика Добчинского...

Добчинский, спрятавшись за выступ стены, следил за своим смертельным врагом, и, когда судья юркнул в калитку, Петр Иванович, терзаемый ревнивым чувством, побежал к своему дому, наткнулся на псов, привязанных судьей у калитки. Собаки, завидев Петра Ивановича, начали лаять и бросаться на него с такой силой, что сорвись железное кольцо – и от Петра Ивановича не останется и званья.

Добчинский боялся судейских собак, как огня палящего. Он поворотил от родной кровли и грустный пошел "по новости".

День Бобчинского тоже начался с неудач. Бойкость его пропала. Он остановился у пожарной каланчи, оглядывая беспросветно скучную улицу, точно вымершую. И, когда мимо него проходил единственный живой человек почтальон, Бобчинский скорее по привычке, без всякой страсти заглянул в сумку почтаря, но в следующую минуту цель уже была найдена.

Любопытство озарило лицо Петра Ивановича изнутри. Он увязался за почтарем, ловко заглянул сбоку, "потом забежал с другой стороны и увидел письмо, адресованное городничему – Сквозник-Дмухановскому.

Хитренный служитель почты на уговоры не сдавался, и только когда у него в ладони

Необычайное происшествие, или Ревизор (по Гоголю). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru звякнули медные деньги, переданные Петром Ивановичем, – эта маленькая лепта, первая взятка в фильме, – почтарь отдал письмо, и Петра Ивановича подхватило по улицам, словно у него образовались крылья.

НДП. Городничий Антон Антонович Сквозник-Дмухановский.

Городничий, уже постаревший на службе и очень неглупый по-своему человек, черты лица грубые и жесткие, как у всякого, начавшего тяжелую службу с нижнего чина, сидел еще не одетый, заспанный, видно, только что встал и, несмотря на это, сильно расстроенный.

В руках у него большая книга в кожаном переплете, с огромными серебряными застежками. Это может быть "Свод законов Российской империи" или Библия, но при ближайшем рассмотрении она оборачивается 'сонником толкователем снов.

Антон Антонович пробежал страницу за страницей, наконец, нашел то, что было нужно, и начал про себя.

НДП. Паче страшно видеть во сне крыс, к явной неприятности по должности.

Городничий жуликовато прищурился, как бы говоря: Хотел бы я знать, какая такая неприятность может угрожать мне, Сквозник-Дмухановскому".

Бобчинский влетел в покой сильного мира сего и сразу преобразился. Серьезность, насколько она была присуща Петру Ивановичу, отобразилась на его лице, когда он вручал городничему письмо с печатями. Городничий медленно распечатал письмо.

Любопытство – этот один из человеческих пороков, коим Петр Иванович Бобчинский страдал в излишестве, сразу забрало его. Глаза Петра Ивановича заблестели, как у игрока, увидевшего большую ставку.

Городничий читал письмо про себя.

НДП. Любезный друг, кум и благодетель, спешу уведомить тебя, что приехал чиновник из Петербурга с предписанием осмотреть всю губернию и особенно наш уезд.

Бобчинский, как по раскрытой книге, читал на лице городничего, что: "Есть очень важные новости".

НДП. ...Я советую тебе взять предосторожность и удержаться на время от прибыточной стрижки, ибо он может приехать во всякий час, если уж только не приехал и не живет где-нибудь инкогнито (слово "инкогнито" подчеркнуто два раза).

Антон Антонович глазам своим не верил. Вытер лоб и углубился в чтение вторично.

И вот, по мере того как он читал во второй раз, на письме зародилась движущаяся точка, сначала совсем маленькая, еле приметная, а потом все увеличивающаяся и увеличивающаяся, она наконец обозначилась тройкой лошадей, а вон и тарантас уже виден, и седоки сидят в тарантасе. Точка и впрямь обернулась тройкой и еще пуще понеслась по белому полю письма между строчек, словно по накатанной дороге. Бубенцы ее усиливались, бег ускорялся, она, подгоняемая гиканьем лихого молодца кучера, с песней, со свистом пронеслась мимо запятых, точек и вдруг с размаху поворотила и, все увеличиваясь в своей стремительности, прогромычала вниз, по последним строчкам чмыховского письма, вырвалась на расейскую дорогу, коими исхлестана наша с страна, и понеслась...

НДП. Ревизор есть чиновник, облеченный всей полнотой царской власти. Он может раздуть муху в слона. Но он также легко способен слона обернуть мухой.

На тройке с жандармом едет личность, одетая в партикулярное платье, но, судя по тому, с каким мастерством личность тычет кулаком в шею кучеру, и по присутствию сбоку жандарма, можно без ошибки сказать, что этот инкогнито большой чиновник или военный чин.

Кучер хлестал лошадей, тройка пласталась, оставляя за собой длиннейший шлейф пыли.

Городничий Антон Антонович Сквозник-Дмухановский растерялся:

– Я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Черные, неестественной величины! Пришли, понюхали – и пошли прочь.

Вот когда Бобчинскому фортуна повернулась приветливым ликом. Он со взбрыкиванием выскочил с крыльца городничего и так проворно побежал, что будочник, стоявший на часах у дома городничего, даже сплюнул, там ему не понравилось проворство Петра Ивановича.

И вслед за Бобчинским мимо опешившего будочника примчался, грохоча сапогами, полицейский Держиморда.

Бобчинский на наших глазах обежал два дома и, не заставши никого, побежал дальше.

А Держиморда вертелся у дома помещика Добчинского, стараясь шпажкой отбиться от судейских псов.

Всклокоченная голова судьи выглянула в окно, полицейский подбежал, что-то шепнул и скрылся.

Застегивая верхнее платье, судья открыл калитку и, влекомый своими псами, побежал к городничему.

А на углу, там, где продаются пирожки, бежавший Бобчинский столкнулся с Добчинским.

За дальностью расстояния не слышно, что говорит Бобчинский, но, судя по его жестам, которые рождались, вскидывались, друг друга перегоняли, можно были догадаться, ради чего на этом свете живет Петр Иванович Бобчинский, а судя по огорченному лицу Петра Ивановича Добчинского, можно было понять, как он, Добчинский, завидует ему, Бобчинскому.

Мимо них пробежал запыхавшийся полицейский Держиморда, глазом наметил бабу, торгующую пирожками. Баба сидела, держа между ног ведро, покрытое промасленным одеялом, без которого пирожки могут остынуть, и зазывала покупателей.

Держиморда добежал до торговки, с маху сунул свою жадную лапу под одеяло, отчего баба взвизгнула, ухватила охальную руку полицейского, точно ее собирались обесчестить.

Но строгость голодных глаз Держиморды отрезвила торговку, и щедрая рука полицейского вынула из-под одеяла пирожков сколько могла, а могла она, надо признаться, много.

НДП. Перепуганные известием о ревизоре, чиновники сбежались к городничему.

Городничий стоял, словно соляной столб, у себя в гостиной, а вокруг него шло коловращение чиновников.

– Инкогнито проклятое, – вскипел городничий, и коловращение разом остановилось. В эту минуту городничий ненавидел их всех. В каждом видел своего личного врага и находил удовольствие в том, чтобы поугагать чиновников, что придавало ему самому больше храбрости.

– Вдруг заглянет. – страшал городничий чиновников.

– А... Вы здесь, голубчики... – городничий сам входил в раж, представляя собой кару господню. Он уже верил, что он-то и есть тот самый ревизор из Петербурга.

– А кто здесь судья?..

А Артемий Филиппович Земляника услужливо и не без удовольствия предавал своего ближнего и сообщал:

Необычайное происшествие, или Ревизор (по Гоголю). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
– Ляпкин-Тяпкин... Городничий входил в раж:

– А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!

Судья не на шутку струхнул, но громовой голос городничего продолжал:

– А кто попечитель богоугодных заведений?..

Теперь уже судья, в пику попечителю, сообщал его фамилию:

– Артемий Филиппыч Земляника.

– А подать сюда Землянику... – настаивал новоявленный ревизор.

– Вот что худо. Насчет же внутреннего распоряжения и того, что называет в письме Андрей Иванович грешками, я ничего не могу сказать. Это уж так самим богом устроено.

Аммос Федорович Ляпкин-Тяпкин насторожился.

– Что же вы полагаете, Антон Антонович, грешками? Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? Борзыми щенками...

Городничий посмотрел на судью, ему не хотелось спорить.

– Ну, щенками или чем другим, все взятки. Но с этого момента в гостиной городничего намечался явный скандал.

Уже теперь судья разошелся:

– Ну, нет, Антон Антонович, а вот, например, если у кого-нибудь шуба стоит пятьсот рублей, да супруге шаль...

Городничий старался потушить спор, но сам распалялся:

– Зато вы в бога не веруете, а я, по крайней мере, в вере тверд. О, я знаю вас: вы если начнете говорить о сотворении мира, просто волосы дыбом поднимаются.

Все эти рассуждения городничего льстили судье.

– Да ведь сам собою дошел, собственным умом. Городничий запальчиво ответил ему:

– Ну, в ином случае много ума хуже, чем бы его совсем не было.

И насколько в гостиной городничего, в связи с приездом ревизора, атмосфера была напряженной, настолько в трактире местной гостиницы чувствовалось благорастворение.

Старенькая попорченная шарманка играла тихую, приятную мелодию, под звуки которой Петры Ивановичи завтракали, иногда перемежая рыбные блюда приятельскими поцелуями, которые между ними были в совершенном обычае.

Музыка неожиданно прервалась, и в трактире появился молодой человек недурной наружности, в цилиндре, одетый от лучшего петербургского портного и с тростью в руке.

Молодой человек, мучимый какой-то страстью, ходил по трактиру, лицо его менялось каждую секунду.

Он с мутными глазами налетел на Петров Ивановичей, вскинул на нос позолоченную лорнетку, заглянул им в тарелки, где лежала рыба, проглотил слюну и вышел из трактира.

Петры Ивановичи смотрели на него как зачарованные. Они с него глаз не спускали. Бобчинский нагнулся к Добчинскому, что-то ему шепнул, тот мигнул, и к ним подошел трактирщик Влас, который сообщил:

– Чиновник, едущий из Петербурга, по фамилии Иван Александрович Хлестаков,

Необычайное происшествие, или Ревизор (по Гоголю). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
другую неделю живет, из трактира не едет, забирает все на счет и ни копейки не хочет платить.

По мере того как Влас говорил, Петры Ивановичи оба начали вставать со своих стульев, что-то осенило их обоих, они бросились на Власа и начали целовать его в обе щеки в благодарность за то, что существует его гостиница на этом белом свете.

Музыка в трактире снова заиграла, и под веселые мотивы Петр Иванович Бобчинский на радостях выкидывал замысловатые "антраша" и вместе с Добчинским выскочил на улицу.

И насколько радостное возбуждение царило в трактире, настолько в гостинице городничего было все сдержанно и как бы в предчувствии бури.

Городничий, взявши почтмейстера под ручку, отвел в сторону.

– Купечество да гражданство меня смущают, а я вот, ей-богу, если и взял с иного, то, право, без всякой ненависти, я даже думаю, не было ли на меня какого-нибудь доноса.

А по улице неслись Бобчинский и Добчинский, горя желанием поведать всему свету последнюю новость о ревизоре. Они с переменным успехом старались обогнать друг друга: то впереди мчался Бобчинский, то Добчинский, собрав последние силы, обходил своего приятеля.

В гостинице городничий просил почтмейстера:

– Послушайте, Иван Кузьмич. Нельзя ли всякое письмо, входящее и исходящее, знаете, этак немножко распечатать и прочитать?

Почтмейстер вынул пачку распечатанных чужих писем.

– Знаю, знаю... Этому не учите. Я делаю это не то чтоб из предосторожности, а больше из любопытства: смерть люблю узнать, что есть нового на свете.

Шум, подобный надвигающейся буре, долетел до гостиницы городничего. Двери точно ветром распахнуло.

Ворвались два коротких человека и так перебивали друг друга, что ничего нельзя было понять. Сыпалась тарбарщина из непонятных слов и возгласов.

Окрик городничего отрезвил: Петры Ивановичи начали рассказ.

А Иван Александрович Хлестаков, тот, о котором рассказывали Петры Ивановичи, шел по улице уездного города, терзаемый голодом.

До его слуха долетел уже знакомый нам голос торговки:

– А вот горячие пирожки...

Хлестаков как зачарованный шел на призыв бабы, и даже тросточка застыла в каком-то напряженном положении.

Иван Александрович нерешительно задержался возле торговки и с видом знатного путешественника обозревал окрестности. Трость Хлестакова, его гордость, являла собой дополнение к неотразимому виду "петербургского льва". Короткая блестящая палочка, отнюдь не предназначенная для опоры, в руках Хлестакова превращалась в волшебный жезл.

Иван Александрович стоял у самого ведра, спиной к торговке, и через плечо заглядывал.

Тросточка за спиной Хлестакова пришла в виртуозное вращение. Баба глазела на быстро мелькающий конец трости, и вдруг глаза ее наполнились чрезвычайным удивлением.

Волшебная трость Ивана Александровича, откинув край промасленного одеяла, быстро

Необычайное происшествие, или Ревизор (по Гоголю). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru исчезла в ведре и сейчас же показалась обратно, униженная двумя дымящимися пирожками.

Глаза торговли выпучились, как будто хотели выстрелить. Раздался бабий визг.

Иван Александрович почувствовал, как его что-то рвануло назад, но он сделал последнее усилие и, вырвав трость, помчался по улице, а в спину ему несло:

- Прощелыга ты, а не барин...

- А вот он-то и есть этот чиновник, о котором изволили получить notiцию, - настаивал Бобчинский в гостиной городничего и громко, так, чтобы его слышали все, выкрикнул самое страшное слово.

- Ин-ког-ни-то.

А Добчинский добавил:

- Ревизор.

Городничий в страхе отмахивался от них. А Бобчинский продолжал упорно настаивать, наскакывая на городничего:

- Он, он, ей-богу, он... Такой наблюдательный: все осмотрел...

Вот когда городничий услышал слово "наблюдательный", здесь он смутился.

- Где же он там живет?

Добчинский, стараясь обогнать своего приятеля, успел сообщить:

- В пятом номере под лестницей.

- А давно он здесь?

Приятели разом:

- Две недели.

Городничий обмер и про себя вспомнил все художества за эти две недели.

- В эти две недели высечена унтер-офицерская вдова. Арестантам не выдавали провизии. На улицах кабак.

Бобчинский, возбужденный и развязный, ходил по комнате. Он сейчас в апогее своего величия. Он как будто вырос, и даже трудно постороннему человеку определить, кто сейчас на социальной лестнице из всех присутствующих мог бы сравниться с ним. Разве только Петр Иванович Добчинский, но и здесь Бобчинский опередил его.

Подойдя к окну, Бобчинский сначала застыл, потом всеми частями своего короткого тела выразительно протанцевал танец призыва, и все чиновники, забывая табель о рангах, бросились к окну, налетая друг на друга. В окно они увидели:

...на противоположной стороне стоял молодой человек, одетый петербургским франтом. Это был Иван Александрович Хлестаков.

Он на минуту задержался в своем голодном шествии по улицам уездного города около дома городничего: покрутил головкой, понюхал воздух и медленно направился дальше. Ему даже невдомек, что произошло в доме, на который он изволил только мельком взглянуть.

Чиновники страшно переполошились. Городничий наспех одевался и в сопровождении пяти полицейских выбежал из дома.

Сообразив, куда мог пойти Хлестаков, городничий со свитой двинулся за ним. Рядом шли дрожки, в которые уже успели сесть Петры Ивановичи, и все это шло осторожно по следам Хлестакова.

И когда Иван Александрович только еще подумал повернуть в сторону моста, городничий подмигнул кому-то из свиты, каланча, покрытая полицейской шапкой, качнулась, подошла к Антону Антоновичу и получила приказание:

- Беги скорей и встань на мосту для благоустройства.

Игнорируя заборы и всяческие препятствия, полицейский-каланча шагал прямо через них, кратчайшим путем пробираясь к цели.

Когда Хлестаков подходил к мосту, совершенно неожиданно перед его глазами как бы из-под земли выросло нечто, чего не заметить нельзя.

Иван Александрович растерялся, но каланча-полицейский приложил руку к шапке, что означало отдавание чести, и улыбнулся преданной, располагающей улыбкой. Иван Александрович в свою очередь пытался выжать на своем лице ответную улыбку. Прошел мимо полицейского и, стараясь не оглядываться, быстро повернул за угол.

И когда Хлестаков, перепуганный полицейским, быстро побежал по улице, из-за угла выглянул озабоченный городничий, подозвал трех полицейских и зашипел:

- Разметать наскоро старый забор, что возле сапожника, и поставить соломенные вехи, чтобы были похоже на планировку.

Полицейские скрылись.

В богоугодном заведении под наблюдением Земляники шел, что называется, "дым коромыслом".

Больных в грязных колпаках и рваных халатах загнали в один угол, вмиг из дымной кузницы сделали подобие больницы и ждали прихода ревизора.

А на фоне неба стали вырастать строительные соломенные вехи, стучали заступы, трещало дерево. И вдруг длинный, большой забор начал шататься и падать, чуть не похоронив под собой Ивана Александровича Хлестакова, который вовремя успел отскочить в сторону.

А за забором обнаружилась куча мусора на сорок телег, на вершине которой, точно памятник, стоял каланча-полицейский, отдавая честь и располагающе улыбаясь.

Городничий, увидев безобразие, схватился за голову:

- Что за скверный город, только где-нибудь поставь какой-нибудь памятник или просто забор - черт их знает откуда нанесут всякой дряни.

Улицу, на которой стоит трактир, трудно узнать, ее метут, и через поднятую завесу пыли видно силуэтом, как проносятся пожарные трубы, бегают угорелые полицейские. Иван Александрович еле добежал до своей гостиницы и скрылся в ней.

Номер пятый под лестницей, где остановился Хлестаков, самый маленький номер в гостинице. Это один из тех номеров, кои похожи скорее на вытрезвительную камеру в полицейском участке, чем на пристанище для молодого чиновника из Петербурга.

Скудный свет падал в номер через маленькое отверстие, похожее на тюремное окно.

Прямо в сапогах и верхнем одеянии на кровати лежал Осип, слуга Хлестакова, находившийся в той стадии голода, когда не то чтобы ему грозила смерть от истощения, но и нельзя сказать уверенно, чтобы она ему совсем не угрожала.

- Черт побери, есть как хочется.

Осип лежал с открытыми глазами.

- Вот не доедем, да и только, домой. Осип с обидой двинул подушку кулаком и повернулся лицом к стене.

- Профинтил дорожкой денежки, голубчик...

Необычайное происшествие, или Ревизор (по Гоголю). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
А в это время перепуганный тем, что за ним ходят полицейские, Хлестаков на цыпочках, тихонько проскользнул к себе в номер, осторожно закрыл дверь, съезжился и ждал, не раздадутся ли шаги полицейских.

- Теперь сидит и хвост подвернул, и не горячится... - продолжал Осип.

Иван Александрович Хлестаков прислушался к тому, что говорил Осип, который уже стонал:

- Ах, боже ты мой, хоть бы какие-нибудь щи...

Хлестаков посмотрел на Осипа, лежащего на его кровати, на огромные сапоги, которые первые почувствовали на себе пристальный взгляд Хлестакова, как-то заерзали на постели, и только после этого Осип повернулся от стены.

Глаза барина и слуги скрестились, как шпаги, и Осип не торопясь начал сползать с постели.

- Опять валялся на кровати?

Осип, поднимаясь с постели, вдруг упрямо стал отрицать факт лежания на постели.

- Да зачем же бы мне валяться? Не видал я разве кроватей, что ли?

Иван Александрович возмутился. Его принимали за дурака.

- Врешь. Валялся, видишь, вся всклокоченная.

Осип шел напролом, против совершеннейшей очевидности:

- Не знаю я разве, что такое кровать? У меня есть ноги, я и постою.

Хлестаков, сраженный уверенным тоном Осипа, даже сам, собственно, не знал, может быть, Осип действительно не лежал на постели.

Послышался громкий и решительный голос Хлестакова:

- Эй, Осип, ступай туда...

Осип отрицательно мотнул головой и в знак того, что он действительно никуда не пойдет, - сел на стул.

- Хозяин сказал, что больше не даст обедать. Еще, говорит, и к городничему пойду.

Вот тут Иван Александрович не на шутку испугался.

- Мы-де этаких шаромыжников и подлецов видали. Я, говорит, шутить не буду, на съезжую и в тюрьму.

А на дворе съезжей стояла шеренга полицейских. Антон Антонович командующим ходил по фронту и репетировал готовность своего учреждения.

- Приезжий чиновник спрашивает - службой довольны?

Полицейские все разом рявкнули так что прохожие бабы шарахнулись в сторону:

- Всем довольны, ваше благородие.

А городничий продолжал:

- А если спросит, отчего не выстроена церковь, на которую назад тому пять лет была ассигнована сумма?

Полицейские хором, как заученный урок, рявкнули:

- Строилась, да сгорела, ваше высокоблагородие.

Необычайное происшествие, или Ревизор (по Гоголю). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Городничий был доволен ответом.

- А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, скажет, что она и не начиналась.

Городничий сел ни дрожки с Добчинским и помчался по улице.

Номерной слуга, за которым шел Осип, подлетел к хозяину гостиницы Власу и начал нашептывать ему на ухо, что-то время от времени кивая в сторону стоящего Осипа, сейчас искусно прикинувшегося "казанской сиротой" и таким тихоней, что и воды не замутит, Влас, глядя на Осипа, мрачнел, откатился от стойки и в сопровождении слуги начал спускаться в преисподнюю - кухню гостиницы, самое страшное место.

Повар, сущий Вельзевул, огромный, лоснящийся, стоял среди пара, дыма и огненных языков, даже хозяин гостиницы Влас, и тот побаивался его и обращался с ним вежливо.

- Тарас Иваныч, сочини бесплатный обед для пятого номера, что третью неделю живет и денег не платит.

Повар сразу оживился, засучил рукава и начал фантазировать.

НДП. Куриный суп: берутся два стакана мутной воды.

Повар зачерпнул из лохани, где моют грязную посуду, мутную воду.

НДП. Четыре свежих куриных пера.

Поваренок, подручный, выбежал на двор, ловко поймал живую курицу и приволок ее к шефу; Повар выдернул из хвоста четыре пера и сунул их в кастрюлю.

В мутную воду, где плавали куриные перья, щедрая рука повара сыпала неограниченно перца и соли.

В номер пятый забежал Осип и, довольный, кричал:

- Несут обед!

Хлестаков прыгал от радости, как мальчик. Вошел слуга. Накрыл на стол. А хозяин гостиницы Влас, повар и поваренок на цыпочках подошли к открытой двери пятого номера и заглядывали.

Ивану Александровичу наливали куриный суп. Он быстро и жадно начал глотать первую ложку, затем вторую, проглотив третью, остановился недоумение, испуг попеременно отражались на лице Хлестакова.

Иван Александрович кричал слуге:

- Что же это за суп? Я не хочу этого супа! Дайте мне другого!

И когда слуга хотел взять суп, Хлестаков грудью начал его защищать:

- Ну, ну, ну, оставь, дурак.

И снова принялся за суп:

- Боже мой, какой суп! Я думаю, еще ни один человек в мире не едал такого супа.

Хлестаков передал миску Осипу, и сам начал резать жаркое.

Повар и Влас помирали от смеха за дверью.

В трактир вошел, оглядываясь, городничий, за ним Добчинский.

НДП. Весть о приезде городничего вмиг облетела гостиницу.

К номеру пятому под лестницей осторожно подошли городничий и Добчинский. Остановились, не решаясь войти.

Необычайное происшествие, или Ревизор (по Гоголю). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Хлестаков в номере притихнул и не дышал. Там было тихо.

Антон Антонович по старой полицейской привычке, этой второй натуре, прежде чем войти, решил сначала обозреть поле будущей деятельности.

Городничий припал к замочной скважине и первое, что он увидел; - это огромную крысу, обманутую тишиной и вылезшую на свет божий из своей норы. Крыса увидела совершенно трясущегося Хлестакова, мотнула своим длинным хвостом и исчезла под полом.

Антон Антонович отпрянул от скважины, он даже побледнел и, незаметно крестясь, шептал:

- Сон в руку.

Иван Александрович ждал каждую минуту появления городничего.

Ручка входной двери завертелась. Хлестаков съежился. Входит городничий. С улицы, да еще и со страху, городничий ничего и никого не видел. Он кашлянул. Хлестаков отмалчивался.

Городничий с протянутыми руками двинулся вперед, неожиданно наткнулся на Хлестакова. Оба вскрикивают, смотрят друг на друга, выпучив глаза. Городничий вытягивается перед Хлестаковым:

- Желаю здравствовать!

Хлестаков от испуга начал икать. Кланяется городничему. Городничий обошел номер, взглянул куда и можно с деловым видом.

- Обязанность моя, как городничего здешнего города, заботиться о том, чтобы приезжающим и всем благородным людям никаких препятствий...

Антон Антонович сбился от такой длинной тирады, что-то хотел продолжать, но не решился, окончательно спутался и, вытянувшись, ждал своей участи.

Иван Александрович, сначала заикаясь, а к концу речи громко, начал говорить:

- Я не виноват... я, право, заплачу... Мне пришлют из деревни...

Около номера пятого столпились все обитатели гостиницы. Ждали редкого развлечения. Все щелки были захвачены. Любопытные, не могущие дотянуться до окна, подсаживали друг друга, чтобы хоть только на одно мгновение увидеть, что делается в номере.

Хлестаков старался всяко оправдаться перед городничим. Он вспомнил суп.

- Суп. Он черт знает что плеснул туда. С чего же я... вот новости...

На последней фразе голос Ивана Александровича окреп, прозвучала нотка уверенности, и в лице появилась строгость.

В свою очередь, Антон Антонович окончательно оробел. Он не знал, с какого боку подойти к этому плюгавенькому, маленькому человечку.

- Извините, я, право, не виноват, позвольте мне предложить переехать со мной на другую квартиру. - Антон Антонович замер от своего решительного хода.

Иван Александрович не на шутку испугался и начал пятиться от городничего, шепча:

- То есть...

Иван Александрович уперся в стенку, дальше отступать некуда. Он прокричал следующее слово:

- В тюрьму...

Необычайное происшествие, или Ревизор (по Гоголю). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
По истошному крику Хлестакова нельзя было понять, он спрашивает городничего или сам ему угрожает тюрьмой. И, как это бывает при сильном испуге, Хлестаков начал кричать:

- Да какое вы имеете право... Да вот и... я служу в Петербурге...

Городничий не ждал такого оборота. При последних словах Хлестакова колени Антона Антоновича подогнулись и задрожали.

Вот этот-то самый испуг Антона- Антоновича и увидел Осип, внимательно следивший за всем происходящим, и начал Хлестакову подавать всевозможные знаки, внушая ему, чтобы он наседал на городничего еще пуще, не сдавался и что, дескать, все будет очень хорошо.

В коридоре зрители с затаенным дыханием следили за разворачивающимися событиями.

А Хлестаков, подбадриваемый знаками Осипа, храбрился:

- Да вот вы хоть тут со своей командой, не пойду... я прямее к министру... - взвизгнул он для большей убедительности. А Осип продолжал знаки одобрения - дескать, вали, наседай, закручивай и дальше.

Вся атмосфера в номере была в пользу Ивана Александровича, и он действительно разошелся. Он начал стучать кулаками по столу.

- Что вы, что вы...

И сам испугался своей храбрости, замер и смотрел испуганными глазами на Осипа.

Городничий трясся всем телом. Он выдавал себя, выбалтывая все и сам шел в руки Хлестакову:

- Помилуйте, не погубите, жена, дети малые... если и были взятки, то самую малость...

Зрители в коридоре злорадствовали:

- Наконец-то нашлась управа и на нашего Антошку...

Хозяин же гостиницы Влас растерялся. Он ничего не мог понять. Он видел, что в номере происходит что-то несообразное его понятиям о Хлестакове.

Городничий униженно оправдывался:

- Что же до унтер-офицерской вдовы, которую я будто бы высек, то это клевета, ей-богу, клевета.

Хлестаков, стремительно перебивая городничего:

- Унтер-офицерская вдова совсем другое дело. А меня вы не смеете высечь, до этого вам далеко...

И, подойдя к городничему вплотную, Хлестаков встал в позу трагического актера, каких он часто видел в Петербурге, и с пафосом, с придыханием изъяснился городничему:

- Я заплачу, я потому и сию здесь, что у меня нет...

И красноречивым жестом показал, что у него нет денег.

Городничий, как только Хлестаков заговорил о деньгах, пришел в себя.

НДП. О, тонкая штука! Эк куда метнул! Какого туману напустил!

И второпях городничий оторвал мешавшую пуговицу, вытащил деньги и поднес их прямо в бумажнике.

Необычайное происшествие, или Ревизор (по Гоголю). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Хлестаков, боясь, что городничий может раздумать, быстро сунул деньги в боковой карман, и с деньгами в кармане Хлестаков сразу стал неузнаваемым. Уверенность в себе, свои силы и приподнятость состояния – вот что было сейчас на лице Ивана Александровича Хлестакова.

Зрители в коридоре ахнули. Опять городничий, Антошка, взял верх.

А Влас угорелой кошкой мотнулся на кухню и грозно орал на повара:

– Тараска, катай министерский обед для ревизора из пятого нумера!

И началось. В громадной кастрюле исчезали бараны, гуси, куры, кусками летело масло, яйца.

Вырастали крепости из теста, на которых затейливо лепились шапки крема.

Анна Андреевна – жена городничего – и Марья Антоновна – дочь его, разодетые в лучшие парадные туалеты, высунулись в окно и махали платками бегущему к ним Добчинскому, который, добжевав до окна, не смог произнести ни одного слова.

Раздраженная Анна Андреевна готова была выпрыгнуть из окна.

– Ну что? Ну, рассказывайте! Ну, да кто он такой? Генерал?

Добчинский, наконец, собрался с силами, мотал головой:

– Нет, не генерал, а не уступит генералу.

Издали показалась бричка с городничим и Хлестаковым.

Мария Антоновна скрылась и через минуту появилась у окна с подзорной трубой.

Проезд Ивана Александровича Хлестакова по улицам уездного города был настоящим триумфальным шествием. Выскакивала гарница и брала на караул.

Чиновники и писцы со страхом и любопытством поглядывали в окна. У торговых рядов купцы гнули свои спины.

Бричка приближалась к дому городничего. Анна Андреевна вырвала у дочери подзорную трубу, вскинула ее к глазу и безуспешно старалась поймать в увеличительное стеклышко петербургскую штучку.

Бричка, не останавливаясь, поехала дальше. Марья Антоновна чуть не плакала оттого, что не успела рассмотреть ревизора невооруженным глазом.

На пути следования брички показалось здание, окруженное со всех сторон высоким тыном.

...Увидев его, Иван Александрович перестал улыбаться и про себя твердил:

НДП. Пронеси, господи...

Но бричка окончательно свернула в сторону мрачного здания с железными решетками на окнах, и не успел Хлестаков опомниться, как окованные железом ворота раскрылись, затем за его спиной снова закрылись, прошумели железные задвижки, жалобно прогрохотали цепи.

НДП. Тюрьма.

Иван Александрович Хлестаков со страхом вступал во вверенную Антону Антоновичу тюрьму, где сразу все не понравилось Ивану Александровичу: и воздух подозрительный, и подозрительная свита, и в довершение всего неожиданно перед Хлестковым выросли два молодца тюремщика и, преграждая путь, кланялись хлебом-солью, серебряной чаркой, наполненной до краев, и всевозможными закусками.

Хлестаков оторопел, но все кругом кланялось и заискивающе улыбалось.

Необычайное происшествие, или Ревизор (по Гоголю). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Не успел Иван Александрович прикоснуться к чарке, а из ближайшей камеры, как из могилы, раздалось протяжное:

– Здравия желаем, ваше высокоблагородие! И эхом прокатилось по длинному коридору, как зазубренный урок, повторившийся всюду...

– Всем довольны, ваше высокоблагородие.

Иван Александрович элегантно раскланивался с невидимыми доброжелателями и, осушив чарку, жадно стал уничтожать закуску.

НДП. Уездное училище.

Коридор, до которому шел Иван Александрович; ничем не отличался от тюремного, и только на месте служителей тюрьмы в свите Ивана Александровича появились чиновники в парадных мундирах. Снова, как в тюрьме, выросли два человека с хлебом-солью, чаркой и закуской.

Чиновники просительно кланялись и улыбались.

Хлестаков уже освоился со своим положением, робость исчезла, и появилась начальственная осанка. Не успел он взяться за чарку, как из ближайшего класса рявкнули молодые глотки:

– Здравия желаем, ваше высокоблагородие. А из других классов неслось:

– Всем довольны...

НДП. Богоугодное заведение.

И тот же коридор, и та же свита, только чарку подносили люди в белых больничных халатах.

Иван Александрович принимал чарку так, как Наполеон принимал ключи от побежденных им городов.

А голоса, истерзанные болезнями и всякими недугами, вопили из разных палат:

– Здравия желаем...

– Всем довольны...

НДП. Молва о Хлестакове магом разнеслась во все концы глухого уезда и достигла ревизора из Петербурга, едущего инкогнито.

Ревизор-инкогнито, одетый в партикулярное платье, сидел в бричке, словно пораженный громом. А за его спиной заливались удалявшиеся бубенцы, они уносили молву о Хлестакове дальше. Ревизор-инкогнито очнулся, соскочил с брички, заметался по дороге. Гаркнул на жандарма. Жандарм, сопровождавший его, бросился к футляру, достал оттуда фуражку с большой кокардой.

Ревизор надел ее, сразу преобразился в грозное расейское начальство, прыгнул в бричку, съездил кулаком по шее ямщика, лошади рванулись, и тройка понеслась.

После бутылки, толстобрюшки и губернской мадеры Иван Александрович Хлестаков, сопровождаемый чиновниками, нетвердой походкой входил в гостиную Сквозник-Дмухановского.

– Завтрак был очень хорош. Я люблю поесть. Ведь на то и живешь, чтобы срывать цветы удовольствия.

В это время торжественно распахнулись двери, и во всем своем великолепии предстали Анна Андреевна и Марья Антоновна, умышленно остановившись в дверях, как и раме, в которой все замысловатости туалета и сами они выглядят значительно эффектнее.

Иван Александрович, увидя дам, сразу преобразился и эдаким петушком, быстренько на цыпочках подлетел к ним и застыл в умилении. Городничий за спиной Хлестакова

Необычайное происшествие, или Ревизор (по Гоголю). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru коротко рекомендовал:

- Жена и дочь.

И в противовес грубоватому голосу городничего, голос Ивана Александровича был самым приятным. Под сильным хмельком он отвесил Анне Андреевне такой поклон, что даже благородный какой-нибудь испанский гидальго просто позавидовал бы такому изяществу и тонкости обращения.

- Как я счастлив, сударыня...

Анна Андреевна как-то сразу поддалась чувству изящного со стороны ревизора.

- Нам еще более приятно видеть такую особу...

- Помилуйте, сударыня...

Анна Андреевна, как королева, оперлась на протянутую руку Хлестакова, и Иван Александрович галантно проводил ее к дивану мимо стоящей шеренги чиновников.

Сердце Анны Андреевны наполнилось восторгом, и, не желая оставаться в долгу перед столичным гостем, она приглашала ревизора сесть.

Но разве просто сказанные слова могут что-нибудь разъяснить? И первое слово Анна Андреевна сказала протяжно, певуче:

- Про-шу... - А дальше голос Анны Андреевны как-то сам обозначился, и уже слова:

- ...покорнейше садиться, - Анна Андреевна неожиданно как будто пропела.

Хлестаков был во вдохновении. Он метнул взгляд на чиновников и как бы говорил: "Видали - влюблена, от одного моего взгляда влюблена".

И все услышали ответную приятную руладу:

- Как я счастлив, что наконец сижу возле вас.

Ивану Александровичу хотелось поразить всех окружающих и особенно Анну Андреевну. И вот здесь-то его тросточка и сыграла самую важную роль. Увидев в отдалении вазу с фруктами, Хлестаков, не вставая, нацелился, пронзил яблоко и прямо на трости, самым элегантным движением передал яблоко Анне Андреевне - нет, не яблоко, а сердце, пронзенное стрелой.

Анна Андреевна метнула в чиновников взгляд, который чуть ли не говорил: "Видали, пентюхи, сморчки деревенские, один мой взгляд - и ревизор у моих ног".

Осип, слуга Хлестакова, выпив не одну кружку хмельного, сидел в людской в доме городничего и так же, как Иван Александрович, был окружен любопытными. Грудастые девки глядели ему в рот и ждали от него столичных сказок. Осип чувствовал на себе внимание.

В людскую вбежал слуга городничего Мишка и при всех передал Осипу жалованный Антоном Антоновичем стакан водки, на дне которого лежал "рупь" серебром. Водку Осип выпил и, наслаждаясь звоном серебряной монеты, разглагольствовал:

- Конечно, если пойдет на правду, так житье в Петербурге лучше всего, деньги бы только были. А жизнь тонкая и политичная: театры, собаки тебе танцуют...

А наверху, в гостиной городничего Иван Александрович тоже говорил о Петербурге. Ему он нравился больше, чем Осипу. Он воспламенялся и с жаром говорил:

- Эх, Петербург! Что за жизнь, право! Вы, может быть, думаете, что я только переписываю.

Иван Александрович осмотрел внимательным взором стоящих в шеренгу чиновников, желая проверить, может быть, они точно думают, что он только и делает, что переписывает.

Но чиновники стояли в должном почтении и навтыжку, и тут Иван Александрович каждому из них на ушко, в виде презента, передавал о своем положении в Петербурге.

На ухо городничему он шептал:

- Начальник отделения со мной на дружеской ноге.

А все чиновники старались уловить, что изволили сказать ревизор на ухо городничему. А Иван Александрович уже на ухо Землянике шептал:

- И сторож летит еще на лестнице со щеткой. Позвольте, Иван Александрович, говорит, я вам сапоги почищу.

И уже всем и скорее Анне Андреевне и Марье Антоновне говорил:

- И только выйду...

И широким движением руки Иван Александрович нарисовал лестницу, подобной которой нельзя отыскать в природе. Лестница развернулась, словно скатерть самобранная. Тридцать тысяч ливрейных лакеев с булавами стояли на ней по бокам. Высшая столичная знать стремилась вверх по лестнице, и вдруг все замерло, все склонилось долу, и только слышалось на все лады:

- Иван Александрович... Иван Александрович идет... идет Иван Александрович...

Играя тросточкой и поблескивая звездами на груди, по лестнице восходил Иван Александрович, не замечая окружающих.

Мишка, слуга городничего, с замиранием сердца подслушивал у гостиной городничего.

А в людской Осип, желая поднять свой авторитет и придать себе важности в глазах слушающих, иронизировал по поводу барина:

- Добро бы было в самом деле что-нибудь путное, а то ведь е-ли-стра-тиш-ка...

Но Осип спохватился и решил держать язык за зубами. В людскую вбежал Мишка-слуга, глаза его горели. Он все слышал, что расписывал Хлестаков, и с наслаждением передавал на всю людскую.

- Говорит, его за главнокомандующего приняли. Дом, говорит, у него собственный в Петербурге, самый лучший и всем известный.

И Иван Александрович нашел своих слушателей. Почтение, с каким внимали чиновники, толкало его на дальнейшее сочинительство. Анна Андреевна спрашивала о самом для нее важном:

- Я думаю, с каким там вкусом и великолепием даются балы.

- Я всякий день на балах, там у меня уж и вист составился: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я.

А в людской у Осипа вино развязало язык. Он продолжал разглагольствовать и как бы отвечал на реплику Хлестакова.

- Эх, если бы узнал его старый барин, он не посмотрел бы, а, поднявши рубашонку, таких бы засыпал тебе, что дня четыре бы почесывался.

В людскую вбежал Мишка и передавал, о чем наверху гость хвастал:

- Один, говорит, арбуз стоит семьдесят рублей. Осип дико заржал от этой нелепости, а Мишка кричал:

- Суп, говорит, прямо из Парижа приезжает. Осип перестал смеяться...

- Епартаментами, говорит, всеми один управляет.

Вот здесь Осип насторожился и укоризненно покачал головой, дескать ай-ай-ай, вот как заврался малый.

Иван Александрович всех поражал. Чиновники уже встали со своих стульев. Стояли навтыжку.

Луку Лукича била лихорадка, именуемая боязнью высокого начальства.

Хлестаков же, закусив удила, нес:

– Меня сам государственный совет боится! Меня завтра же произведут сейчас же в фельдмаршалы.

Иван Александрович неожиданно поскользнулся и со всего размаха шлепнулся об пол так, что чиновники ахнули, как брызги, разлетелись, потом бросились и стали поднимать Хлестакова. Городничий трясся всем телом, силился выговорить:

– А... Ва... Ва... Ва...

Хлестаков пытается найти равновесие, хватаясь за ушибленные места, смотрит на городничего и мотает головой. Городничий не может миновать рифа:

– На... Ва... Ва...

Наконец, вышло:

– Ваше... ство... Превосходительство, не прикажете ли отдохнуть, вот и комната.

Хлестаков, поддерживаемый городничим, направляется к двери, за ним Анна Андреевна и Марья Антоновна.

У дверей, ведущих в опочивальню, Хлестаков сделал всем прощальный поклон, и дверь за ним шумно захлопнулась.

Городничий облегченно вздохнул.

– Славу богу, все кончилось благополучно.

Но тут-то и обнаружилось, что не все кончилось и не все благополучно.

Ужас обуял городничего, когда он увидел тщетную попытку Анны Андреевны оторваться от двери, за которой скрылся Хлестаков.

Подол ее платья, накрепко зажатый дверью, не отпускал ее. Иван Александрович заметил прищемленный дамский хвост из кружев и щелка. Глаза его вмиг загорелись, и страстишка толкала на дальнейшие поступки.

Если бы он увидел целую юбку или всю Анну Андреевну, он, может быть, и не рискнул бы на такое отважное действие. Но маленькая деталь женского туалета затмила его настолько, что он запустил свою руку в кружевную пену юбок и начал настойчиво тянуть Анну Андреевну на себя.

Со всех сторон за происходящим следили чиновники-гости с замирающими сердцами, как выпутается из столь затруднительного положения Антон Антонович.

Городничий сразу сообразил, куда метнул вельможа.

Но вместо того чтобы спасти жену, Антон Антонович вспомнил об отцовской обязанности, бросился к дочери, повернул ее спиной ко всему происходящему, подтолкнул к какой-то двери, торопливо перекрестил и наглухо закрыл ее.

Подглядывавшие чиновники хихикали. Антон Антонович бросился к жене, но было поздно. Хлестаков, как паук, засасывал Анну Андреевну, и городничий успел увидеть только руку своей жены, которая судорожно трепыхалась в воздухе, что могло означать в одном случае моление о помощи, а в другом случае совсем наоборот.

Необычайное происшествие, или Ревизор (по Гоголю). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Задвижка в опочивальне Хлестакова прошумела, и все стихло. Гости, недвусмысленно улыбаясь, стали расходиться.

Первое, что родилось в сознании Антона Антоновича, это протест. Он двинулся к двери. Ухватился за ручку. А где-то в передней Бобчинский шушукался с Добчинским:

- В жизни не был в присутствии такой важной персоны, чуть не умер от страха, как вы думаете, Петр Иванович, кто он таков в рассуждении чина?

Добчинский тоже шепотом отвечал:

- Я думаю, чуть ли не генерал...

Бобчинский тихо, но по привычке спорить с Добчинским, открыл свои мысли:

- А я так думаю, что генерал-то ему и в подметки не станет! А когда генерал, то уж разве сам генералиссимус.

Городничий все еще стоял у двери, она по-прежнему висела на петлях, и никаких следов бури не было видно.

Антон Антонович отказался от первоначального намерения ворваться в опочивальню к вельможе и восстановить поруганную честь мужа. Он отошел от двери, и по мере удаления от места бесчестия к нему вернулась уверенность и даже надежда на будущие блага...

Отчего грудь его выпрямилась и честолюбивейшая мечта становилась явью, на груди появились звезды, кресты, медали и, наконец, - о, счастливейшая мечта - кавалерия через плечо.

Анна Андреевна вела себя в опочивальне Ивана Александровича совершенно двояким способом. С одной стороны, кокетство требовало от нее учинять всякие препятствия мужским действиям, а влечение сердца толкало ее к нему поближе.

И когда влечение сердца Анны Андреевны взяло верх над всеми иными соображениями, Хлестаков не на шутку испугался страсти, обозначившейся на лице Анны Андреевны. Взволновавшись от куска кружев, он перепугался ее. Самое тщедушное тело трусливо искало защиты, и, зарывшись под гору подушек, Иван Александрович захрапел так громко, что сразу можно было догадаться сон для него сейчас единственное средство защиты в столь неудачном амурном деле.

Городничий замер, прислушиваясь к храпу ревизора, и все в доме начали двигаться на цыпочках, а что могло не двигаться, застыло на месте. В образовавшейся тишине шум маятника вдруг вырос настолько, что стал один спорить с переливистым храпом Ивана Александровича, но рука городничего протянулась, поймала болтающийся медный диск, с силой рванула его, и время остановилось.

Но, как нарочно, гремя сапогами, с улицы влетели два полицейских и рывкнули так, что мертвые могли бы пробудиться. Городничий заткнул ревушие глотки и вывел полицейских на крыльцо.

А над домом городничего уже собирались тучи - черным вороньем кружились купцы в длинных сюртуках, держа под мышкой сахарные головы и прочие подношения. Антон Антонович приказывал полицейским:

- Никого не впускать в дом стороннего, особенно купцов! Только увидите, что идет кто-нибудь с просьбой, а хоть и не с просьбой, да похож на такого человека, что хочет подать на меня просьбу, - взашей.

НДП. В благоустроенном государстве взятки даются без свидетелей, между четырех глаз.

Судья первым представлялся ревизору. Его правая рука, судорожно зажавшая деньги для Ивана Александровича, жила самостоятельной жизнью и ничего общего с туловом Ляпкина-Тяпкина не имела.

Хлестаков вел себя престранным образом. Он начал кружиться вокруг Аммоса

Необычайное происшествие, или Ревизор (по Гоголю). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru Федоровича по спирали, глядя на его руку, а судья, стоявший навтыжку, уже слышал мелкую барабанную дробь, которая все усиливалась и становилась настойчивей.

Судья старался быть лицом к Хлестакову.

И чем ближе подходил Иван Александрович по спирали к судье, тем явственней слышалась мелкая дробь не одного, а нескольких барабанов. К ужасу Ляпкина-Тяпкина, Хлестаков опустил на корточки и внимательно смотрел на руку.

В ушах судьи стоял гул от барабанной дроби, и неожиданно все смолкло.

- Что это у вас в руке? - услышал Аммос Федорович. Разом затрещали десятки невидимых барабанов. Брякнули невидимые кандалные цепи. Правая рука Аммоса Федоровича разжалась, и ассигнации, легко подхваченные ворвавшимся в окно ветром, закружились по комнате, разлетаясь в разные стороны.

Иван Александрович бросился ловить их. Ляпкин-Тяпкин стоял, лишенный какого-либо соображения, обливаясь потом, Иван Александрович собрал деньги.

- Знаете что?..

И не знал, что сказать дальше. Замешательство длилось недолго. Счастливая мысль пришла:

- Дайте мне их займы. Я, знаете в дороге издержался то да се...

В гортани зародилось урчание, сходное с выражением удовольствия. Даже слышались нечленораздельные возгласы радости.

Аммос Федорович окончательно очнулся от столбняка, неожиданно быстро вынул исписанный лист бумаги и таинственно передал его Хлестакову.

НДП. Для пользы отечества донесение. У попечителя богоугодных заведений Земляники больные мрут как мухи, деньги, полагающиеся на них, он прикарманивает. Земляника - совершенная свинья в ермолке.

Иван Александрович читал донесение, и кто-то невидимый тихо и вкрадчиво покорял сообщениями:

- Судья, который только что был перед моим приходом, ездит только за зайцами. В присутственных местах держит собак...

Иван Александрович опустил донесение.

На месте судьи стоял попечитель богоугодных заведений Земляника, совершенная противоположность судье: пронизательность, осведомленность и любовь к начальству - вот что было написано на лице Артемия Филипповича. Он продолжал свой устный донос:

- И поведенья судья самого предосудительного - здесь есть один помещик Добчинский, и как только этот Добчинский куда-нибудь выйдет из дому, то он там уже и сидит у жены его, я присягнуть готов... и нарочно посмотрите на детей: ни одно из них не похоже на Добчинского, но все, даже девочка маленькая, как вылитый судья.

Земляника вынул исписанную бумагу; протянул ее Ивану Александровичу:

- Не прикажете ли, я все это изложил на бумаге.

Хлестаков взял бумагу, а Артемий Филиппович начал пятиться назад, к двери и проворно скрылся за ней. Хлестаков встрепенулся и закричал.

- Эй, вы, как вас?

В дверь просунулась сначала только одна голова Земляника. Иван Александрович поманил: пальцем, и Земляника не слышно приблизился. Стараясь, обворожить Землянику приятным голосом и манерами, Хлестаков начал: "Со мной престранный

Необычайное происшествие, или Ревизор (по Гоголю). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
случай: в дороге совершенно издержался. Нет ли у вас денег взаймы, рублей
четыреста?"

Артемий Филиппович неохотно достал деньги и передал их Хлестакову.

НДП. В благоустроенном государстве взятки даются между четырех глаз.

На месте Земляники стоял смотритель училищ, Лука Лукич, трепещущий от страха, что и подметил Иван Александрович Хлестаков.

Ему страсть как захотелось попугать чиновника. Хлестаков начал пристально смотреть на Луку Лукича. В глазах Хлестакова появился фосфорический блеск. Иван Александрович как бы сверлил своим взглядом смотрителя училищ, и, когда взгляд Хлестакова остановился на трясущихся коленях Луки Лукича, последний не выдержал и сам не заметил, как опустился на колени.

Хлестаков встал, подошел и показал стоящему на коленях смотрителю выдержку из донесения.

НДП. Смотритель училищ внушает юношеству неблагонамеренные правила, он хуже, чем якобинец...

Лука Лукич молитвенно скрестил руки, со слезами на глазах готов был оправдываться...

Хлестаков наслаждался данной ему властью.

- Со мной престранный случай. В дороге... И не успел еще Хлестаков закончить стереотипную фразу, как Лука Лукич радостно закричал:

- Есть, есть, есть...

И лихорадочно начал шарить по карманам и доставать деньги. А за дверью Бобчиинский и Добчинский, приготавливаясь к встрече с Хлестаковым, собирали наличные деньги, которых оказалось 65 рублей ассигнациями.

НДП. В благоустроенном государстве...

На дороге стоят встретившиеся тройки.

- Городничий дал ему две тысячи... - расписывал уездный сплетник петербургскому чиновнику последнюю новость о Хлестакове.

- Судья дал три тысячи. А сколько можно содрать с купечества... мечтал уездный сплетник.

Настоящий ревизор обмер.

НДП. ...взятки даются между четырех глаз...

На стене висит огромный портрет Николая Палкина с протянутой рукой, как бы для принятия взятки, а за письменным столом вельможа, чрезвычайно похожий на портрет российского императора, тоже с протянутой рукой, в которой царский указ, скрепленный сургучными печатями, дающий право на ревизию губерний. Будущий ревизор, низко склонившись перед вельможей, достал пачку новеньких ассигнаций и передал:

- Ровно пять тысяч, хоть и не трудитесь считать. Еще как нарочно самыми новенькими бумажками.

Вельможа, принимая деньги:

- Это хорошо, ведь это, говорят, новое счастье, когда новенькими бумажками.

И будущий ревизор получил царский указ на руки. Терзаемый воспоминаниями, настоящий ревизор рычал в припадке бешенства, сидя в бричке на пустынной дороге:

Необычайное происшествие, или Ревизор (по Гоголю). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
- Ка-на-ля...

Он схватил пистолет и, тыча им в шею кучера, завопил:

- Догнать мошенника...

Тройка словно оторвалась от земли и птицей понеслась вперед. А ревизору казалось, что пейзаж сбоку совсем не движется. Он грозил кучеру пистолетом, а кучер, в свою очередь, хлестал лошадей.

Тройка подлетела к обрыву и остановилась. На глазах ревизора паром отчалил от берега и медленно плыл по течению. Ревизор истошно орал:

- Во-ро-тить...

Но паром неуклонно уходил все дальше и дальше... Ревизор не выдержал и палил из пистолета в воздух. У дома городничего купечество кружилось поодиночке, и неожиданно, точно по сигналу, сбилось в одну кучу, что-то обсудили и всем табуном ринулись к парадному городничего, сшиблись с полицейскими. Держиморда дал волю своим кулакам, награждая купцов оплеухами.

В общей суматохе молодой купец, будущий архиплут, сообразил, быстро опустился на четвереньки, прополз между ног Держиморды, вскочил и скрылся в доме городничего. Купцы сразу успокоились и чинно стали ждать. Будущий архиплут мигом обернулся из-за спины полицейских, давая знать, что ревизору нужно "дать", показывая на пальцах 800 рублей.

Купцы опять сбились в кучу и, завязав ассигнации в платок, метнули его через полицейских. Архиплут поймал и скрылся. Но за дверьми остановился, вынул из общественных денег три сотенных и спрятал их за голенище.

Городничий увидел, как купец шмыгнул к ревизору, он заметался по комнате, перехватил бегущую Марью Антоновну, подвел ее к двери и решительно втолкнул в комнату Хлестакова.

- Ах! - воскликнула Марья Антоновна, увидев, как Хлестаков считает купеческие деньги.

Иван Александрович быстро спрятал ассигнации и, незаметно выпроводив купца, начал подступать к Марье Антоновне.

Слесарша Пошлепкина ползла на четвереньках вдоль фасадной стороны дома городничего, прижимаясь к фундаменту, чтобы не заметили полицейские Свистунов и Держиморда, которые в это время ничего, кроме купцов, не видели.

Купцы первые заметили неестественное положение слесарши, и на их тупых лицах выступил интерес.

Полицейские подозрительно переглянулись между собой, дескать, держи ухо востро, опять купцы что-то хитрят, а купцы обрадовались случайному развлечению - затряслись козлиные бороды, и один из купцов крикнул на Пошлепкину:

- Ату ее!

Пошлепкина серой кошкой взвилась, чудом уцепилась за наличник окна и, увидев Хлестакова с Марьей Антоновной, завопила истошным голосом:

- На городничего челом бью! Слесарша я. Пошлепкина. Мужу моему мошенники приказали лоб забрить в солдаты, а очередь на нас не припадала.

Пораженный Иван Александрович отскочил от Марьи Антоновны.

Свистунов и Держиморда сторожевыми псами бросились к окну, и началась борьба. Пошлепкина брыкалась ногами, близко не подпуская Свистунова и Держиморду, купцы подзадоривали полицейских, а те словчились, поймали развешивающийся подол слесарши, дернули что есть мочи и вместе с оторвавшейся юбкой покатались по земле. Пошлепкина кричала Хлестакову:

Необычайное происшествие, или Ревизор (по Гоголю). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
– Следовало взять сына портного в солдаты, да родители богатый подарок дали ему, тогда он, мошенник, присыкнулся к купчихе Пантелеевой, а та подослала супруге полотна три штуки, так он ко мне: на что, говорит, тебе муж? Он уж тебе не годится...

И вдруг фигура слесарши Пошлепкиной исчезла. Полицейским удалось ухватить ее за ноги и стащить.

Хлестаков подбежал к окну, за ним подлетела Марья Антоновна, они увидели, как полицейские волокли слесаршу за ноги, а слесарша, упираясь руками в землю, орала:

– Да я-то знаю, годится он мне или не годится, это мое дело, мошенник ты такой!

Полицейские ускорили шаг, Пошлепкина метнулась щукой и впилась зубами в зад Свистунова.

У Свистунова занялся дух. Он выпустил слесаршину ногу, схватился за пораженное место и с воплем бросился в сторону.

Купецкие животы колыхались в утробном смехе.

Иван Александрович, хихикая, вдруг заметил соблазнительное плечико Марьи Антоновны и, не долго думая, впился в него, та, как ужаленная, взвизгнула от боли и отскочила.

Хлестаков перепугался и начал уверять Марью Антоновну:

– Из любви, право, из любви.

Он грохнулся на колени и старался подползти к Марье Антоновне.

Анна Андреевна ворвалась в комнату.

– Поди прочь отсюда! Слышишь, прочь, прочь?

Марья Антоновна, всхлипывая, сделала еще раз глазки Хлестакову и исчезла.

Хлестаков внимательно смотрел на возбужденную Анну Андреевну и вдруг упал перед ней на колени:

– С пламенем в груди прошу руки вашей.

Анна Андреевна с сожалением показала на массивное обручальное кольцо, а Иван Александрович настойчиво твердил:

– Это ничего, для любви нет различия. Руки вашей, руки прошу...

Марья Антоновна впорхнула в комнату и, увидев стоящего на коленях Хлестакова, вскрикнула.

Хлестаков схватил за руку Марью Антоновну, поставил ее на колени рядом с собой:

– Анна Андреевна, благословите постоянную любовь. Анна Андреевна в сильнейшем изумлении вскрикнула:

– Так вы в нее...

На самой лучшей тройке к дому городничего подкатил Осип. Он торопливо подошел к двери и остановился. До него доносилось что-то необыкновенное. Городничий кричал:

– Да благословит вас бог, а я не виноват!

Перепуганный Осип быстро вошел в комнату и увидел, как Хлестаков целовался с Марьей Антоновной. Осип нарочито громко сообщил:

– Лошади готовы.

Хлестаков глупо недоумевал, о каких лошадях идет речь.

Городничий, Анна Андреевна и Марья Антоновна бросились к окну, чтобы проверить.

Осип подозвал Хлестакова и шепотом говорил:

– Погуляли два денька, ну и довольно. Неровен час, какой-нибудь другой наедет.

Хлестаков тоже шепотом:

– Нет, мне еще хочется пожить здесь. Пусть завтра...

Осип требовал:

– Да чего завтра, ведь вас, право, за кого-то другого приняли, а лошади тут какие славные.

Хлестаков вздохнул, обернулся к городничему:

– Да, еду.

Городничий растерялся:

– А как же, то есть... вы изволили сами намекнуть насчет, кажется, свадьбы.

Хлестаков вывертывался:

– А это... на одну минуту. Только на один день к дяде, богатому старику, и завтра же назад.

Настоящий ревизор летел на тройке во весь опор, – бричку подбрасывало на шатких мостках. Ревизор стоял в бричке и подгонял ямщика, ямщик лошадей...

У парадного крыльца городничего стоял тарантас, запряженный тройкой добрых коней.

Осип торопился, укладывая нехитрый багаж, опасливо оглядываясь по сторонам, не задержат ли. Тренькали нетерпеливые бубенцы.

Настоящий ревизор летел во весь опор по Екатерининской дороге.

Хлестаков, провожаемый всем семейством городничего, вышел на крыльцо.

Неизвестно откуда, точно из-под земли, вынырнули Бобчинский и Добчинский. Им хотелось до страсти узнать, что произошло.

Хлестаков на глазах у всех привлек в свои объятия Марью Антоновну:

– Прощайте, ангел души моей, Марья Антоновна.

Иван Александрович с удовольствием целовал раскрасневшуюся Марью Антоновну.

Бобчинский и Добчинский впитывали все, что видели. Городничий умиленно ворковал:

– Прощайте, ваше превосходительство.

Хлестаков оторвался от Марьи Антоновны и, взглянув на аппетитную Анну Андреевну, бросился к ней:

– Прощайте, маменька.

Иван Александрович сел в тарантас, и тройка тронулась.

Городничий махал платком. Женщины посылали воздушные поцелуи. И только Добчинский и Бобчинский, ухватившись за крылья тарантаса, бежали по дороге, не желая расставаться с вельможей.

Бобчинский еле поспевал за тарантасом, на бегу успел вернуть просьбу Ивану Александровичу:

- Прошу покорнейше... сказать всем там сенаторам и адмиралам... что вот живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский...

Ямщик подобрал вожжи, тройка рванула и понесла, обдавая пылью оторвавшихся от тарантаса Петров Ивановичей.

Бубенцы, захлебываясь, уносились вдаль, и уже не видно самой тройки, а только звуковой след от Хлестакова долго еще был слышен.

Петры Ивановичи подбежали к семейству Антона Антоновича.

Они видели, как вельможа целовался с Марьей Антоновной, можно сказать, без их участия совершились огромные события.

Антон Антонович не мог прийти в себя от всего случившегося.

- Фу ты, канальство, с каким дьяволом породнились!

Петры Ивановичи восторженно всплеснули руками и вмиг исчезли разносить последнюю новость...

- Как ты думаешь, Анна Андреевна: можем мы теперь влезть в генералы?

Анна Андреевна подтверждала:

- Конечно, можем.

- Ведь почему хочется быть генералом? - мечтал Антон Антонович. Потому что, случится, поедешь куда-нибудь - фельдъегеря и адъютанты поскачут везде вперед: "лошадей!"

И, как далекое эхо, еле слышно доносилось:

- Ло-ша-дей для его превосходительства Антона Антоновича Сквозник-Дмухановского...

Антон Антонович входил в раж и представлял себе картину:

- И там на станциях никому не дадут лошадей. Все дожидаются, все эти титулярные, капитаны, городничие...

Антон Антонович заливался и помирал со смеху.

- Какие мы теперь с тобою птицы сделались! Высокого полета, черт побери!

Купчина в длинном черном сюртуке торопливо перебежал дорогу.

Городничий, увидев его, вмиг вспомнил все обиды, причиненные купцами, и вся сила и энергия его души обрушились теперь на них:

- Постой! Теперь я задам перцу всем этим охотникам подавать просьбы и доносы. Эй, кто там?

Из разных мест к городничему метнулись пять полицейских со шляпой и шпагой Антона Антоновича.

Петры Ивановичи носились по торговым рядам и баламутили купцов известиями о том, что ревизор женится на дочери городничего, и неслись дальше.

Торговые ряды зашумели, словно потревоженный; улей. "Архиплуты, протобестии, надувалы мирские", подгоняемые страхом, сбились вокруг купца Абдулина, теперь над купцами нависли тучи.

В полной парадной форме, при всех регалиях, со свитой из пяти полицейских Антон

Необычайное происшествие, или Ревизор (по Гоголю). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Антонович шел по улицам уездного города, и шествие замыкали пустые дрожки.

Антон Антонович, руководимый желанием мести, алкал встречи с купцами. С губ его срывались обрывки угрожающих звуков, что-то отдаленно напоминающее "Гром победы, раздавайся", переходящее в марш городничего. Купцы собрались в лавке Абдулина и прислушивались к надвигающемуся маршу, и вдруг раздалось:

- Здорово, соколики!

Купцы сразу склонились и в пол бубнили:

- Здравия желаем!

Городничий оглядывал склоненные фигуры и обманно ласковым голосом говорил:

- Что, голубчики, как поживаете? Как товар идет ваш?..

Но сам не выдержал лицемерия и гаркнул на всю лавку:

- Что, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестии, надувалы мирские! Жаловаться?

С последней угрозой купцы, как один человек, рухнули на землю, над ними возвышался голос, мечущий грома:

- Знаете ли вы, семь чертей и одна ведьма вам в зубы, что чиновник, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери?

Купцы припадали к земле и вопили:

- Виноваты, Антон Антонович! Городничий гремел, словно раскаты грома:

- Жаловаться?

И, увидев купца, у которого борода стелилась по земле, Антон Антонович подошел, топнул ногой, наступив сапогом ему на бороду:

- А кто тебе помог сплутовать, когда ты строил мост и написал дерева на двадцать тысяч, тогда как его и на сто рублей не было? Я помог тебе, козлиная борода.

Купцы взмолились, они, перебивая друг друга, орали:

- Лукавый попутал. И закаемся вперед жаловаться, не погуби только!

Городничий, глядя на распростертые на земле сюртуки, наслаждался предельным унижением купцов:

- Теперь: не погуби! Ух, я бы вас...

Антон Антонович размахнулся, но сдержался.

- Я не памятозлобен; только теперь ухо остро! Я выдаю дочку не за какого-нибудь простого дворянина... Чтобы поздравление было...

Последние слова городничего послужили как бы сигналом. Купцы вскочили. Абдулин первый схватил штуку сукна в 60 аршин, вышел и бросил ее в бричку, после чего подарки посыпались со всех сторон. Тюки разных размеров нагромождались в тарантасе городничего один на другой, так что самому Антону Антоновичу пришлось встать, и на его глазах купеческие приказчики вдруг бросились к лошадям, вмиг распрягли их, и случилось то, чего никак не мог ожидать Антон Антонович. Приказчики сами впряглись в тарантас и повезли Антона Антоновича по городу.

Городничий торжествовал, проезжая мимо церкви, он остановил купцов и истошно кричал:

- Валяй во все колокола, кричи во весь народ, черт возьми, уж когда торжество, так торжество!..

Необычайное происшествие, или Ревизор (по Гоголю). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
На дворе съезжей полицейские готовили к всенародной порке жалобщиков и челобитчиков, которые осмелились подавать просьбы на городничего.

К порке готовили слесаршу Пошлепкину, которая продолжала жаловаться.

– Да мне-то какво без мужа, мошенник ты этакий! Я слабая женщина, подлецы вы такие!.. – кричала Пошлепкина.

И под веселый перезвон церковных колоколов началась полицейская экзекуция.

НДП. и дан был бал.

Цвет уездного города, от которого три года скачи, ни до какого государства не доедешь, присутствовал на балу у городничего. Музыканты старались произвести как можно больше всевозможного шума, под звуки которого уездные танцоры и франты выделявали невероятные вензеля. Ничто не сидело на месте, все двигалось в стремительном танце, и даже сам Антон Антонович в припадке необузданной радости, помолодевший, оттопывал своими огромными ботфортами так, что половицы под ним трещали.

Все были заняты танцем настолько, что не обратили внимания на взволнованного почтмейстера, влетевшего в зал.

– Господа!.. – вопил почтмейстер, но пары со смехом проносились мимо.

Почтмейстер завопил на весь зал, потрясая каким-то письмом. Танец приостановился.

Почтмейстер погрозил капельмейстеру. Оркестр умолк.

– Господа! Чиновник, которого мы приняли за ревизора, не ревизор.

На почтмейстера посмотрели, как на сумасшедшего. Кто-то махнул дирижеру, и танец раздался с еще большей силой, чем прежде. Какую-то секунду опешивший почтмейстер стоял с поднятой рукой, в которой было зажато письмо, и вдруг подпрыгнул, завопил каким-то истошным голосом:

– Господа, у меня письмо!

Все остановилось, вдруг, как по мановению:

– Какое письмо?

Городничий подходил, не спуская с почтмейстера глаз:

– Какое письмо?

Почтмейстер у всех на глазах развернул бумагу.

НДП. Письмо Хлестакова милостивому государю И. В. Тряпичкину, в Санкт-Петербург.

"Спешу уведомить тебя, душа Тряпичкин, какие со мной чудеса. По моей петербургской физиономии и по костюму весь город принял меня за генерал-губернатора. И я теперь живу у городничего, жуирую, волочусь напропалую за его женой и дочкой. Все мне дают взаймы сколько угодно. Оригиналы страшные. Во-первых, городничий – глуп, как сивый мерин..."

И по мере того как зритель читает письмо Хлестакова, на бумаге между строчек зарождается движущаяся точка, сначала совсем маленькая, еле приметная, а потом все увеличивающаяся и увеличивающаяся, точка вдруг обернулась лихой тройкой и еще пуще понеслась по белому полю письма между строчек, словно по накатанной дороге. Тройка проносилась мимо слов: "городничий – глуп, как сивый мерин..."

И в первый раз городничий Сквозник-Дмухановский действительно испугался. Его большое тело съезжилось. Он даже зажмурил глаза, как бы готовясь получить следующий удар.

Необычайное происшествие, или Ревизор (по Гоголю). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Послышался шепот:

- Зарезал... убил... совсем убил...

И когда городничий открыл глаза, пред его взором вместо человеческих лиц вырисовывались какие-то звериные морды. На месте, где стоял Земляника, теперь какая-то фигура в том же фраке, но со свиной головой и в феске. Вместо лица судьи была какая-то страшная песья голова, которая вдруг, раскрыв пасть и обнажив клыки, заговорила человеческим голосом:

- Как же это, в самом деле, мы так оплошали, господа?

Городничий, ударив себя по лбу, вопил:

- Нет, как я, старый дурак? Выжил, глупый баран, из ума!.. Мошенников над мошенниками обманывал, пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду, трех губернаторов обманул! Вот смотрите, весь мир, все христианство, все смотрите, как одурачен городничий!

В залу, запыхавшись, прибежал жандарм, который ехал с ревизором из Петербурга, и громким прерывающимся голосом оповестил:

- Приехавший из Петербурга чиновник требует вас сей же час к себе. Он остановился в гостинице.

Произнесенные слова поражают, как громом, всех. Звук изумления единодушно вылетает из дамских уст, вся группа, вдруг переменивши положение, остается, в окаменении.

Немая сцена.

Первым от столбняка очнулся городничий. Он сразу все сообразил. К нему вернулась его деятельность. Ему захотелось выпутаться из этого ложного положения. Осмотрев чиновников, Антон Антонович делово начал:

- Я пригласил вас, господа, с тем чтобы сообщить вам известие - к нам приехал ревизор.

Земляника шепотом подавал совет:

- Ехать парадом в гостиницу.

Ляпкин-Тяпкин предлагал свой выход:

- Вперед пустить голову, духовенство, купечество, вот и в книге "Деяния Иоанна Масона"...

Антон Антонович окончательно пришел в себя. Он никому не мог доверить нового ревизора.

- Нет, нет, позвольте уж мне самому.

При последних словах городничий вынул деньги, и все чиновники полезли в карманы и отдавали все на общее дело.

Когда у городничего в руках оказался порядочный куш, он перекрестился и исчез.

У двери пятого номера гостиницы, где остановился новый ревизор, появился городничий, осторожно постучав, скрылся за дверь, и сразу же из-за двери послышался сильнейший начальственный разнос.

Потом все смолкло.

Из номера выскользнул Антон Антонович, облегченно вздохнул, перекрестился и сказал:

- Взял.

Из "Дневника" Елены Булгаковой можно узнать о возникновении замысла, чернового текста и всего хода работы над киносценарием.

В августе 1934 года позвонили из "Украинфильма" и предложили написать киносценарий. Булгаков "с удовольствием" взялся за эту работу. "Режиссером намечают Дикого. Обычная картина: милы, предупредительны, любезны. Это уж закон: начало работы". За счет киностудии Булгаковы побывали в Киеве, были две встречи с дирекцией, план сценария понравился. И после возвращения из Киева приступил к работе. 25 августа Елена Сергеевна записывает: "Вечером М. А. диктовал мне черновые наброски "Ревизора" для кино". 7 сентября: "После обеда и сна диктовал "Ревизора". 14 сентября на собрании жильцов Шкловский сообщил Булгакову, что он по заказу того же "Украинфильма" написал и сдал сценарий "Ревизора". 21 сентября Е. С. Булгакова записывает: "Вчера в "Литературной газете" были напечатаны отрывки из сценария Шкловского "Ревизор".

А сегодня Катинов по телефону: "Они только надеются на М. А...". Обложил сценарий Шкловского, сказал, что ему уже давно было говорено в "Украинфильме", что его сценарий не подходит. Но что Шкловский теперь продвигает его по линии оргкомитета. Чтобы М. А. не обращал на это внимания". 16 октября, ночью, в присутствии администрации будущего фильма "М. А. читал черновик (первый) "Ревизора". За ужином критиковали. Загорский и Абрам Львович говорили, что действие надо вынести больше за пределы павильона и сократить словесную часть. Катинов произнес речь, наполненную цитатами, но абсолютно беспредметную". 19 октября "М. А. диктует второй вариант сценария ("Ревизор)". 24 октября. "Сегодня дописала под диктовку М. А. сценарий "Ревизора". 26 ноября: "Я забыла записать, что восемнадцатого были мы у Дикого, и тут выяснилось, что он и не собирался ставить "Ревизора". Дикий говорил о том, что Гоголя очень трудно разрешить в кино, и никто не знает, как разрешить, в том числе и он. Все это прелестно, но зачем же он в таком случае подписывал договор?"

10 декабря следует еще одна запись: "Были: Загорский, Коростин и Катинов. Загорский, сквозь дремоту (что он все спит?) говорил, "чтобы это была сатира..."

Такие разговоры действуют на М. А. угнетающе". 22 декабря: "У М. А. Коростин, работа над "Ревизором". М. А. боится, что не справится: "Ревизор", "Иван Васильевич" и надвигается "Пушкин".

А его тянет к роману."

Эти и другие записи и документы свидетельствуют, что угнетающее состояние у Булгакова возникло после того, как к работе над "Ревизором" подключился молодой режиссер Михаил Коростин, предложивший свой сценарий по "Ревизору". Такая практика складывалась уже в то время, и Булгакову пришлось соглашаться с такими "правилами" игры. Этот факт объясняет и все последующие записи в "Дневнике".

В марте 1935 года был перезаключен договор: Булгаков и Коростин стали соавторами сценария.

Григорий Файман, исследовав первые варианты "Ревизора" и сравнив с публикуемым, пришел к выводу, что Булгаков дорабатывал сценарий так, "чтобы раздвинуть, расширить социально-политическое, идейное пространство произведения", "осмысляя пьесу кинематографически"; ... "с помощью Коростина - обогатил свое экранное видение, приобщился к специфике кино" (Искусство кино, 1983, э9, с.108-109).

8 апреля позвонил Коростин, только что приехавший из Киева, и "радостно объявил о принятии последнего варианта сценария М. А.". Но и в последующем еще шли уточнения. Так, 25 сентября Е. Булгакова записывает: "Вечером были с М. А. у Коростина, больного. Выяснили отношения - соавторские", а на следующий день Коростин приехал к Булгаковым, "подписали соглашение".

Впервые сценарий опубликован в 1935 году на правах рукописи для сценарно-производственной конференции. Затем - в журнале "Искусство кино", 1983, э9. Публикация Григория Файмана.

В статье Татьяны Деревинко "Из истории постановки фильма "Ревизор" приводятся интересные материалы о начале работы над фильмом, приведены цитаты из писем и

Необычайное происшествие, или Ревизор (по Гоголю). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
статей оператора Николая Топчия, художника-постановщика А. Бобровникова. В фильме снимались Сергей Мартинсон в роли Хлестакова, Иван Штраух в роли Осипа, Геннадий Мичурин в роли Городничего, Гнат Юра в роли Добчинского и др. "Во время съемочного периода мы были единым коллективом, единым творческим организмом, - вспоминал А. В. Бобровников. - Очень экспансивный Михаил Каростин вынашивал множество идей, которые выплескивал на съемочной площадке. Жаль, что многое из того, что он придумывал, не вошло в картину и забылось. Помню предложенный им эпизод появления Добчинского и Бобчинского. Городничий играет в кегельбане. Брошенный им шар сбивает кегли в конце зала, и в тот же миг из-за сбитых кеглей появляются, как подброшенные, Добчинский и Бобчинский. Прекрасен был Сергей Мартинсон, не повторявший того, что он делал у Мейерхольда. Каростин и Мартинсон все время придумывали новые решения. Помню репетицию сцены появления городничего у Хлестакова в гостинице. Оба испуганы встречей. В комнате, у поломанной лестницы, две колонны. Вокруг одной от страха должен был трижды обвиться Мартинсон. Обвиться спиралью, как требовал режиссер. Несмотря на всю свою великолепную пластику, актер не смог выполнить задание Каростина. Мы все подсказывали и даже показывали, как это нужно сделать, что вызывало общий смех. Много ушло из памяти, но навсегда остались в ней прекрасные дни работы над "Ревизором".

К сожалению, включает свою статью Т. Деревянко, "утрачены отснятые эпизоды (первый визит городничего к Хлестакову и финальная сцена), эскизы декораций и костюмов", остались лишь фотографии, письма, воспоминания" (Искусство кино, 1983, э 9).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://bulgakovmikhail.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!